

ПОЭМА «ДОБРЫНЯ» Н.А. ЛЬВОВА КАК АПОЛОГИЯ «РУССКОГО СТРОЯ»

К.Ю. Лаппо-Данилевский

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия; yurij-danilevskij@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается отношение к былинному тоническому стилю трех поэтов второй половины XVIII в. — Н.М. Карамзина, Н.А. Львова и Г.Р. Державина. Поэма Карамзина «Илья-Муромец» (1795) написана четырехстопными хореями с дактилическими клаузулами; этот размер и до него уже не раз использовался для фольклорных стилизаций. Откликом на «Илью-Муромца» стала поэма Львова «Добрыня» (1796), в которой применено шесть размеров (так же, как и у Карамзина, силлабо-тонических). Пять из них явно ощущались поэтом как фольклорные и действительно употребляются в народной поэзии: это нерифмованный двустопный пентон III; четырехстопный хорей с нерифмованными дактилическими клаузулами; двустопный анапест с нерифмованными женскими и дактилическими окончаниями; четырехстопный хорей с неупорядоченными женскими и мужскими рифмами; вольный хорей с женскими и мужскими клаузулами. Парадокс состоит в том, что Львов, используя в «Добрыне» силлабо-тонические метры, обрушивается с инвективами именно на них. Он объявляет хореи, анапесты, спондеи, дактили и другие стопы чуждыми природным свойствам русского языка. В итоге Львов не защищал своей поэмой «русский строй» (т. е. в первую очередь тонический стих былин), а укреплял позиции лишь нескольких силлабо-тонических размеров, встречающихся в фольклорных произведениях.

Публикация в 1804 г. «Древних русских стихотворений» Кирши Данилова, первого свода былин, вызвала всеобщий интерес к русскому богатырскому эпосу и его тоническому стилю. В этом контексте открывались перспективы использования различных видов народного стиха в поэзии. Одним из первых, кто уловил эти настроения, был Державин, в чьей комической опере «Добрыня» имеется несколько хоров, написанных тоническим стихом.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII века; стиховедение; Николай Львов; силлабо-тонический и тонический стих

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-06-10

Для цитирования: Лаппо-Данилевский К.Ю. Поэма «Добрыня» Н.А. Львова как апология «русского строя» // Вестн. Моск. ун-та. Серия. 9. Филология. 2025. № 6. С. 125–137.

N.A. LVOV'S POEM "DOBRYNIA" AS A PRAISE OF THE "RUSSIAN FOLK VERSIFICATION"

Konstantin Yu. Lappo-Danilevskii

*Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia; yurij-danilevskij@yandex.ru*

Abstract: The paper examines the attitudes of three Russian poets of late eighteenth-century Russia (Nikolai Karamzin, Nikolai L'vov and Gavriil Derzhavin) on the use of tonic verse in the bylina (oral ancient heroic song). Karamzin's poem "Ilya Muromets" (1795) is written in trochaic tetrameter with dactylic clausulae; this meter had already been used several times before in folklore stylizations. A response to "Ilya Muromets" was Lvov's poem "Dobrynia" (1796), which uses six syllabotonic meters. The poet clearly considered five of them to be folkloric. They are indeed used in folk poetry: unrhymed ten-syllable lines divided into two pentasyllabic feet with fixed stress on the third syllable of each foot; trochaic tetrameter with unrhymed dactylic clausulae; anapestic dimeter with unrhymed feminine and dactylic endings; trochaic tetrameter with unordered feminine and masculine rhymes; free trochees with feminine and masculine clausulae. The paradox is that L'vov uses syllabotonic meters in "Dobrynia" while at the same time inveighing against them. He declares trochees, anapests, spondees, dactyls and other feet to be alien to the natural properties of the Russian language. As a result, Lvov does not defend Russian folk versification (i.e., primarily the tonic verse of bylinas) in his poem, but only strengthens the position of the syllabo-tonic meters found in folklore.

As the first collection of authentic bylinas, Kirsha Danilov's "Ancient Russian poems," published in 1804, awakened great interest in the old heroic epic and its tonic verse. It also introduced possibilities for applying various kinds of folk meters to the new Russian poetry. Derzhavin was among the first to take advantage of these ideas. In his comic opera "Dobrynia" some choruses are written in tonic verse.

Keywords: Russian poetry of the 18th century; prosody; Nikolai L'vov; syllabotonic and tonic verse

For citation: Lappo-Danilevskii K.Yu. (2025) N.A. Lvov's Poem "Dobrynia" as a Praise of the "Russian Folk Versification". *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 125–137.

Как уже отмечалось исследователями, импульсом к созданию «богатырской песни» Львова стала публикация в 1795 г. во второй части альманаха «Аглая» первой и единственной части «богатырской сказки» Н.М. Карамзина «Илья-Муромец» [Соколов, 1955: 295]. Ее открывает ироничная антиклассицистическая декларация, в которой отвергаются и тематика, почерпнутая из произведений древних авторов, и современное автору «одопение». Карамзин обращается к «любезным читателям», находящим удовольствие «в русских баснях, в русских повестях, в смеси былей с небылицами» [Карамзин

1795: 172]. Он настоятельно подчеркивает развлекательный и сугубо вымышенный характер своей поэмы и выражает желание, чтобы «Ложь, Неправда, призрак истины!» стала его богинею. С одной стороны, Карамзин явно ориентирован на волшебно-авантюрную беллетристику, складывавшуюся в России во второй половине XVIII в. под влиянием европейских рыцарских романов, обильно черпавшую материал из отечественного фольклора и его переосмыслившую (произведения В.А. Левшина, М.И. Попова, М.М. Чулкова). С другой стороны, повествование в «Илье-Муромце» пронизано иронией, характерной для литературных сказок, и потому заставляет вспомнить западноевропейскую традицию этого жанра. Заглавный герой Карамзина разительно отличается от своего былинного прототипа: писатель наделяет Илью-Муромца чувствительностью и галантностью, а также многократно именует его рыцарем. Собственно действие поэмы начинается с того, что витязь, поклявшись «вечно следовать богатырским предписаниям и уставам добродетели», отправляется на подвиги и вскоре обнаруживает светло-голубой шатер, где в тихом сне покоится «беспримерная красавица». Взволнованный Илья-Муромец, решившись беречь сон незнакомки, проводит неделю у ее ложа. Но вот, внезапно заметив муху, севшую на ее уста, он прогоняет насекомое, случайно прикасаясь перстнем к ее лицу. Выясняется, что сон, в котором пребывала красавица, был наслан на нее злым волшебником Черномором и что прикосновение волшебного перстня его развеяло. Юная дева облачается в доспехи и явно собирается поведать Илье-Муромцу свою историю, узнать которую читателям не суждено, ибо на этом месте «богатырская сказка» Карамзина обрывается.

Весьма существенно, что, «Илья-Муромец» написан нерифмованным четырехстопным хореем с дактилическими клаузулами — размером, воспринимавшимся во второй половине XVIII в. как фольклорный (его же для своей «Бахарианы» избрал через несколько лет М.М. Херасков). В примечании, сделанном в самом начале текста, Карамзин так отзывался об избранном размере: «В рассуждении меры скажу, что она совершенно русская. Почти все наши старинные песни сочинены такими стихами» [Карамзин 1795: 171]. Этим замечанием Карамзин обнаруживает весьма поверхностное знание былин, что неудивительно — «Древние русские стихотворения» Кирши Данилова, первый их свод, давший важнейший импульс к их изучению и осмыслению, вышел в свет девять лет спустя. В целом же монотонность звучания поэмы Карамзина разительно контрастирует с обилием метров, примененных Львовым в его «былинной» поэме.

«Богатырская песнь» Львова «Добрыня» (точнее, лишь ее «первая глава») была напечатана в 1804 г. в «Друге Просвещения» [Львов 1804]. Ее текст сопровождался кратким очерком «Памятник Николаю Александровичу Львову», автором которого был епископ Евгений (Болховитинов), как это следует из его переписки с Д.И. Хвостовым, издателем журнала¹. Я.К. Гrot, опубликовавший этот эпистолярий, недоумевал, кто мог предоставить Евгению биографические материалы о Львове, ибо архиерей с ним лично знаком не был, а с Державиным познакомился лишь летом 1805 г. (см. об этом в письме Евгения Д.И. Хвостову от 22 августа 1805 г. [Гrot 1868: 69–70]). Повидимому, и эти сведения, и саму поэму Евгению предоставил Федор Петрович Львов (1766–1836) — двоюродный брат Н.А. Львова, принадлежавший к его ближайшему дружескому кругу.

В «Памятнике Николаю Александровичу Львову», помимо общих биографических сведений, содержится важная информация о создании «Добрыни»:

«Лет за десять пред сим, он, в некотором кругу друзей своих, рассуждая вообще о преимуществе тонического стихотворения пред силлабическим, утверждал, что и русская поэзия больше могла бы иметь гармонии, разнообразия и выразительных движений в тоническом вольном роде стихов, нежели в поработлении только одним хореям и ямбам; и что можно даже написать целую русскую эпопею в совершенном русском вкусе. В доказательство сего на другой же день, после упомянутого разговора, предположив себе план для русской поэмы, в коей должен быть описан брак великого князя Владимира I и при оном потехи русских витязей, а преимущественно витязя Добрыни Никитича, — он в одно утро написал вступление в сию поэму и удачным исполнением своего предложения удивил друзей своих» [Евгений (Болховитинов) 1804: 194–195].

Под силлабическими стихами, как нетрудно догадаться, Евгений имеет в виду те, что принято ныне называть силлабо-тоническими, и потому вполне логично, что отказ от них — это прежде всего отказ от «поработления только одним хореям и ямбам». В таком случае «тонический вольный род стихов» — это народное тоническое стихосложение и в первую очередь стих былин. Как я постараюсь показать далее, именно такова точка зрения Евгения, но она отличается от того, что вычитывается из «богатырской песни» Львова, содержание которой имеет смысл вкратце напомнить.

¹ В комментарии к письму Хвостова от 27 сентября 1804 г., в котором сообщалось о посыпке первой главы «Добрыни», читаем: «Евгением написана без сомнения и заметка об авторе, предпосланная стихам» [Гrot 1868: 105]. Эти материалы, к сожалению, не были учтены М.В. Стrogановым, утверждающим, что автором «Памятника» был Державин [Стrogанов 2001: 116].

«Автор» бродит ночью по лесу; струсиw, заводит песню, взвывая к Русскому духу, которого именует «Сыном природных сил, братом веселости, неразлучным другом наших прадедов» [Львов 1994: 192]. Главный герой-повествователь просит его о помощи в сочинении богатырской песни (при этом, как и у Карамзина, пародируются классицистические обращения к Музе, восходящие к античности). «Богатырский дух русских витязей», воспряvший ото сна, отнюдь не обрадован обращенным к нему призывом «старорусским петь мерным голосом», видя, сколь неуместно подобное пение в городах, где пришли в упадок традиции пращуров. Он рассматривает заморское платье главного героя, только что вернувшегося из Парижа, брезгливо отворачивается от «разнополого прынтика» и исчезает, оставляя тому гудок со смычком. «Автор» хотя и не умеет им пользоваться, но пытается «задерябить на чудной лад», требуя снисхождения к «русскому строю». Пренебрежительно отзываясь о героях авантюрных повестей, пришедших из Западной Европы (Бова, Франц и королевна Ренцывена), повествователь вспоминает Полкана, Потаню, Еруслана Лазарича и Ивана Усмовича — богатырей, что жили в «чудесный век Володимира». Требуя «богатырской речи» для живописания их подвигов и призывая «выступить своей стопой», Львов отвергает стопы иноземные, утвердившиеся в русской поэзии:

Анапест, спондеи, дактили
Не аршином нашим мерены,
Не по свойству слова русского
Были за морем заказаны; 150
И глагол славян обильнейший,
Звучный, сильный, плавный, значущий,
Чтоб в заморску рамку втискаться,
Принужден ежом жаться, корчиться
И, лишась красот, жару, вольности, 155
Соразмерного сile поприща,
Где природою суждено ему
Исполинский путь течь со славою,
Там калеко он щетинится.

[Львов 1994: 197]²

Львов воздает должное гению Ломоносова, но похвала эта амбивалентна: «пересиливая сверхъестественным дарованием» все трудности, поэт-одописец «легким дельывал невозможное», заключая русский язык в силлабо-тонические размеры. В итоге дело не обо-

² При цитировании учитывается эмендация ряда мест поэмы, предложенная в статье: [Лаппо-Данилевский 2012: 271–288].

шлось безувечья и «кроителю» (т. е. самому Ломоносову), и «кроеному» (т. е. русскому языку).

«Русской строй» охарактеризован Львовым в «Добрине» весьма расплывчато, в то время как выпады против силлабо-тоники ярки, метки и вполне конкретны. Казалось бы, в качестве национальной альтернативы ей должен был выступить былинный тонический стих — именно так понял логику призывов Львова Евгений (Болховитинов). В высшей степени ожидаемым поэтому было бы написание самой поэмы или ее части былинным стихом, но вот как раз-то ни его, ни каких-либо других тонических размеров в полиметрическом шедевре Львова не встретишь. Как справедливо писал в 1999 г. В.А. Западов, поправляя предшественников, поэма написана «шестью различными размерами» [Западов 1999: 395]. Исследователь их не называет, поэтому имеет смысл это сделать:

нерифмованный двустопный пентон III (стихи 1–70, 131–146, 154–269, 274–311; всего 240);

четырехстопный хорей с нерифмованными дактилическими клаузулами (стихи 71–87, 147–153, 270–273, 312; всего 29);

двустопный анапест с нерифмованными женскими и дактилическими клаузулами (стихи 88–109; всего 22);

четырехстопный хорей с неупорядоченными женскими и мужскими рифмами (стихи 110–118; всего 9);

вольный ямб с неупорядоченными женскими и мужскими рифмами (стихи 119–130; всего 12; стихи 119–124, 126, 128, 130 — Я6; из них стихи 125, 127 и 129 — Я4);

вольный хорей с частично рифмованными женскими и мужскими клаузулами (стихи 313–327; всего 15, из них 9 рифмованные).

Заключительный, односложный 328-й стих («Простите») не поддается однозначной интерпретации.

Надо сказать, что лишь два из шести метров, упомянутых выше, имели на исходе XVIII столетия ярко выраженный фольклорный ореол. Первый из них позднее получил название «кольцовского десятисложника», что, как отмечал еще М.П. Штокмар, несправедливо, ибо именно Львов впервые стал активно использовать его [Штокмар 1952: 23].³ Широкое распространение этого размера в русской поэзии XIX столетия (В.Г. Бенедиктов, Е.П. Гребёнка, А.В. Кольцов, Н.А. Некрасов, И.С. Никитин, А.Н. Плещеев, А.К. Толстой, Н.Г. Цыганов и др.) и регулярная ударность в нем привели к тому, что он, по справедливому замечанию М.Л. Гаспарова, существовал

³ Этот размер находим у Львова также в песне «Как, бывало, ты в темной осени...» (1790-е) и в послании И.М. Муравьеву (1797).

как бы шестым при пяти классических силлабо-тонических метрах [Гаспаров 2012: 375].

Еще более давней и стойкой фольклорной аурой обладал четырехстопный хорей с нерифмованными дактилическими клаузулами — этим размером, к примеру, еще в 1770 г. Сумароков написал в народном духе песню «О ты, крепкий, крепкий Бэндер-град...» (см. также выше об опыте применения этого метра Карамзиным и Херасковым). Фольклорные ассоциации вызывал и вольный хорей, размер довольно редкий у русских поэтов в XVIII в., — это доказывается хотя бы его использованием в ариях простонародных персонажей в комической опере А.О. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват» (1779). Двустопный анапест встречается в говорных фольклорных жанрах (загадках, прибаутках, заговорах и проч.) — не случайно пассаж, написанный им, имитирует в «Добрыне» скоморошью речь. А вот отрывок, написанный вольными ямбами с преобладаниемalexандрийских стихов, как кажется, должен был восприниматься именно как литературный, контрастирующий с другими, ибо в нем речь идет о переводном романе «История о храбром рыцаре Францыле Венциане и о прекрасной королевне Ренцывене», якобы чуждом русским читателям.

Тот факт, что в «Добрыне» тонический стих не задействован, убеждает, что Львов своей поэмой стремился укрепить в русской поэзии позиции силлабо-тонических метров, встречающихся в фольклорных произведениях, — и прежде всего пентона III, художественные достоинства которого Львов впервые оценил и к которому стремился привлечь внимание соотечественников. Как кажется, подобная позиция была в значительной степени вызвана тем, что Львов был в первую очередь связан с песенным фольклором, который собирал и популяризовал; именно в песнях, в особенностях плясовых, нередки случаи регулярного чередования ударных и безударных слогов.

Но чем тогда объяснить высказывания преосвященного Евгения о «Добрыне», приведенные выше? Дело в том, что иерарх опубликовал поэму Львова в 1804 г. в совершенно иной ситуации, чем та, в которой она была написана, а именно: после выхода в свет в этом году «Древних русских стихотворений» Кирши Данилова [Данилов 1804], вызвавших всеобщий интерес к былинному эпосу и его тоническому стилю. В этот момент восхваление «русского строя» воспринималось именно как апология былинного стиха, убедительное свидетельство чего и оставил Евгений Болховитинов в «Памятнике Николаю Александровичу Львову»⁴.

⁴ В данном контексте весьма показательны укоры силлабо-тонике, которые, сравнивая ее со стихосложением древних, преосвященный Евгений сделал на рукописи «Рассуждения о лирической поэзии или об оде» Державина до ее публика-

Но, может быть, Львов намеревался использовать тонический стих в последующих песнях своей поэмы? Этот вопрос вполне резонен, ибо в наиболее авторитетной ее рукописи имеется краткое изложение содержания второй песни и двенадцать ее стихов. Этот отрывок было опубликован Г.С. Татищевой в 1972 г. в комментариях к «Добрине» в двухтомнике «Поэты XVIII века» и до сих пор должным образом не анализировался. Достаточно указать, что наиболее авторитетный текст поэмы в архиве Державина (ОР РНБ. Ф. 247. Т. 37. Л. 105 об.–100 об.) внесен сюда неизвестным писцом и хотя и содержит ряд поправок, сделанных почерком Львова, но явно не был автором внимательно вычитан, а потому и требует некоторых исправлений, сообразуясь с метрикой отрывка. Процитирую текст, напечатанный впервые в двухтомнике «Поэты XVIII века», уточняя его по рукописи и подвергая необходимой эмендации (в примечаниях приводятся искаженные писцом строки):

«Владимир празднует в Киеве бракосочетание с своей Милолицкою. Княжеский обед. Обряд свадебного пира. Обед народный. Народные игры и наконец богатырский обед и богатырские потехи. Загородный Владимира дом на Либиде. Вечернее гульбище. Киевский Нестор рассказывает, что все еще не так, как на Волыни, его родине.

О, не дай Бог и ворогу
В чужду-дальную сторону⁵,
Кольми паче в престольный град
Привалить перед праздником
Без рубля иль без дядюшки;
Под поветью настоишись,
У ворот не достучишься,
Ты хозяину челом,
А тебе тут хлоп окном⁶.
Вместо должного привету
Места нету,
Начинен и двор и дом».

[Поэты XVIII века 1972: 519].

В данном стихотворном отрывке задействованы два из шести размеров, которыми написана первая песнь «Добрини»:

ции: «Европейские стопы и такты единообразием своих расстановок утомительны для вольного слуха, и стесняют даже воспарение не только музыки, но и самой поэзии. Истинная красота есть подражание природы, а одномерным стопам и тактам ничего нет подобного в природе. Сим-то разнообразием числа слогов в самых стопах, поэзия греческая и римская преимуществует пред европейскою» [Евгений (Болховитинов) 1872: 621].

⁵ В ркн.: В чужду дальную сторону

⁶ В ркн.: А тебе тут хлоп и окном

двустопный анапест с преимущественно нерифмованными дактилическими окончаниями (стихи 1–5; всего 5);

вольный хорей с рифмованными женскими и мужскими клаузулами (стихи 6–12; всего 7; стихи 6–10, 12 — X4; стих 11 — X2).

Таким образом, нет никаких оснований утверждать, что при продолжении поэмы Львов обратился бы к тоническому стилю, а не остался бы верен силлабо-тоническим размерам, которые ощущались им как фольклорные.

Пассаж, приведенный выше, весьма важен для понимания львовского отношения к народному героическому эпосу — поэт в него не погружался, а черпал вдохновение и образы из волшебно-авантюрной беллетристики, о которой уже упоминалось выше. К ней он, подобно большинству современников, относился явно некритически и, как и они, был увлечен и псевдославянской мифологией, создаваемой во второй половине XVIII столетия, и практикой свободного использования былинных образов и мотивов в литературных произведениях. В данном контексте существенно и то, что в первой песни «Добрыни» Львов сравнивает Русского духа со Световидом — божеством, включенным М.М. Чулковым в славянский пантеон в качестве «бога солнца и войны» [Чулков 1767: 97–99; Чулков, 1782: 238]. Встречаем Световида и в повести Левшина о богатыре Булате [Левшин 9: 43]. Львов упоминает в «Добрыне» оперу Екатерины II «Новогородский богатырь Боеславич» (1786) — еще один пример свободного обращения с былинным сюжетом, внимание к которому незадолго до того привлек тот же Левшин пересказом одного из его вариантов («Повесть о сильном богатыре и старославенском князе Василье Богуслаевиче») [Левшин 5: 29; Новичкова 2001: 29].

Имя «Милолика», придуманное Левшиным для «болгарыни», супруги великого князя Владимира (для нее он якобы отказался от своих 800 наложниц и нашел свое счастье в моногамии), — убедительный маркер релевантности для Львова левшинской «Повести о славном князе Владимире Киевском Солнышке Всеславьевиче и о сильном его могучем Богатыре Добрыне Никитиче» [Курышева 2009: 123]. Крайняя скудость сведений о предполагавшемся продолжении поэмы все же не позволяет понять степень ее возможной зависимости от этой повести.

В заключение статьи имеет смысл коснуться еще одного «Добрыни» — одноименного «театрального представления с музыкой» Г.Р. Державина (1804; опубл. 1808). Связь этого драматического замысла и «богатырской песни» Львова неоднократно отмечалась ранее, но лишь в 2002 г. А.О. Дёмин последовательно сопоставил два этих произведения. Исследователя интересовала при этом в первую очередь гетерогенность созданного в пьесе Державина художествен-

ного мира, в котором, как удалось показать Дёмину, соединены черты былинного богатырства и авантюристско-сказочного рыцарства, готической таинственности и сентиментальной чувствительности [Дёмин 2002: 54–56].

Принимая в целом данный вывод, хотелось бы сделать несколько предварительных замечаний о метрике арий и хоров Державинского «Добрыни», которая заслуживает более подробного исследования. Стихи в этой пьесе, предназначенные для вокального исполнения, распадаются на две группы: сочиненные Державиным и подлинные народные песни. Использование вторых из них заставляет вспомнить аналогичный опыт Львова, на семнадцать лет ранее включившего народные песни в свою комическую оперу «Ямщики на подставе» (1787).

Арии и хоры, написанные самим Державиным для его «Добрыни», — это в основном силлабо-тоника (в трех случаях он взял за основу, в той или иной степени перерабатывая, любовные песни, написанные им еще в начале 1770-х гг.), но здесь мы также находим несколько текстов, написанных различными видами тонического стиха, в которых он в большей или меньшей степени опирается на фольклор: «Не сизы соколы по поднебесью...» (действ. III, явл. 4), «Вьется, вьется хмель золотой...» (действ. V, явл. 11), «Не тихие ветры попархивают...» (действ. V, явл. 11) и др. «Державинская рука» узнается по введению в часть из них рифм, использованию отдельных славянизмов.

Как видим, два «Добрыни» предлагали две качественно различные программы обогащения русской метрики — Львов не выходил за пределы установившейся системы стихосложения и побуждал к более активному применению силлабо-тонических размеров, обладавших, по его мнению, фольклорным ореолом и употребительных главным образом в народных песнях. Державин же шел намного далее: он ввел в свою пьесу, опубликованную в 1808 г., несколько текстов, написанных тоническим стихом. Подобная смелость Державина, на мой взгляд, в значительной мере объясняется переломом настроений в отношении былин, произошедшим в русском обществе после выхода в свет в 1804 г. «Древних русских стихотворений» Кирши Данилова. Этот сборник не только представил читательскому вниманию значительное число фольклорных текстов, высокие художественные достоинства которых были должным образом оценены, но и способствовал обновлению взгляда на народный тонический стих в целом, что открывало широкие возможности для его применения в русской поэзии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспаров М.Л. Метр и смысл: Об одном из механизмов культурной памяти. М., 2012.
2. Гром Я.К. Переписка Евгения с Державиным // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности императорской Академии наук. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1868. С. 65–216.
3. [Данилов Кириша] Древние русские стихотворения. М., 1804.
4. Дёмин А.О. «Театральное представление с музыкою “Добрыня”» Г.Р. Державина и одноименная «героическая песнь» Н.А. Львова // Н.А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства. СПб., 2002. С. 52–57.
5. [Евгений (Болховитинов)] Замечания на Рассуждение о лирической поэзии // [Державин Г.Р.] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грома. Т. VII. СПб., 1872. С. 618–626.
6. [Евгений (Болховитинов)] Памятник Николаю Александровичу Львову // Друг Просвещения. 1804. № 9. С. 194–196.
7. Западов В.А. «Русские размеры» в поэзии конца XVIII века // XVIII век. Сб. 21: Памяти Павла Наумовича Беркова (1896–1969). Л., 1999. С. 391–400.
8. [Карамзин Н.М.] Илья-Муромец // Аглая. Кн. II. 1795. С. 171–201.
9. Курышева Л.А. Повести о богатырях в «Русских сказках» В.А. Лёвшина: сказочно-историческая модель повествования. Новосибирск, 2009.
10. Лаппо-Данилевский К.Ю. К истории текста поэмы Н.А. Львова «Добрыня» // Litteratum fructus. Сб. статей в честь С.И. Николаева. СПб., 2012. С. 271–288.
11. Левшин В.А. Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие, оставшиеся через пересказывания в памяти приключения. Ч. 1–10. М., 1780–1783.
12. Львов Н.А. Добрыня. Богатырская песнь // Друг Просвещения. 1804. № 9. С. 196–207.
13. Львов Н.А. Избранные сочинения / предисл. Д.С. Лихачева; вступ. статья, со-ставление, подгот. текста и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского... Кёльн; Вей-мар; Вена; СПб., 1994.
14. Новичкова Т.А. Эпос и миф. СПб., 2001.
15. Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 2 / сост. Г.П. Макогоненко и И.З. Сермана; вступ. статья Г.П. Макогоненко; биогр. справки И.З. Сермана; подгот. текста и примеч. Г.С. Татищевой. (Библ. поэта. Большая серия. Второе издание).
16. Соколов А.Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955.
17. Стrogанов М.В. Об авторстве первого некролога Н. А. Львова // Гений вкуса: Н.А. Львов: Материалы и исследования. Тверь, 2001. Сб. 2. С. 114–116.
18. Чулков М.Д. Краткий мифологический лексикон. СПб., 1767.
19. Чулков М.Д. Словарь русских суеверий. СПб., 1782.
20. Штокмар М.П. Исследования в области русского народного стихосложения. М., 1952.

REFERENCES

1. Gasparov M.L. *Metr i smysl: Ob odnom iz mekhanizmov kul'turnoi pamiatii* [Meter and meaning: On one of the principles of cultural memory]. Moscow, Fortuna EL, 2012. 415 p. (In Russ.)
2. Grot Ia.K. Perepiska Evgeniiia s Derzhavim [Correspondence between Evgenii and Derzhavin]. *Sbornik statei, chitannyykh v Otdelenii russkogo iazyka i slovesnosti imperatorskoi Akademii nauk* [Collection of articles read in the Department of Russian

- Language and Literatures of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 5. Issue 1. St. Petersburg, *Printing house of the Imperial Academy of Sciences*, 1868, pp. 65–216. (In Russ.)
3. [Danilov Kirsha]. *Drevnie russkie stikhovoreniiia* [Ancient Russian Poems]. Moscow, S. Selivanovskii, 1804. (In Russ.)
  4. Demin A.O. «Teatral'noe predstavlenie s muzykoiu “Dobrynia”» G.R. Derzhavina i odnoimennaia «geroicheskaiia» pesn' N.A. L'vova [“Theatrical Performance with Music “Dobrynia”” by G. R. Derzhavin and the “heroic” Song of the same Name by N. A. L'vov]. N.A. L'vov i ego sovremenniki: literatory, liudi iskusstva [L'vov and his contemporaries: writers, people of art]. Saint Petersburg, *Saint Petersburg Scientific Center*, 2002, pp. 52–57. (In Russ.)
  5. [Evgenii (Bolkhovitinov)] Zamechania na Rassuzhdenie o liricheskoi poezii. *Sochineniya Derzhavina s ob'iasnitel'nymi primechaniiami Ia. Grota* [Derzhavin's Works with J. Groot's explanatory notes]. Vol. VII. St. Petersburg, *Printing house of the Imperial Academy of Sciences*, 1872. (In Russ.)
  6. [Evgenii (Bolkhovitinov)] Pamiatnik Nikolaiu Aleksandrovichu L'vovu [Monument to Nikolai Aleksandrovich L'vov]. *Drug Prosveshcheniia*. 1804, no 9, pp. 194–196. (In Russ.)
  7. Zapadov V.A. “Russkie razmery” v poezii kontsa XVIII veka [Russian meters in poetry of the late 18th century]. *XVIII vek*. Vol. 21. St. Petersburg, *Nauka*, pp. 391–400. (In Russ.)
  8. [Karamzin N.M.] Il'ia-Muromets [Il'ia-Muromets]. *Aglaia* [Aglaia]. Vol. II. 1795, pp. 171–201. (In Russ.)
  9. Kurysheva L.A. *Povesti o bogatyriakh v «Russkikh skazkakh» V.A. Levshina: skazochno-istoricheskaiia model' povedovaniia* [Tales about heroes in the “Russian Tales” of V. A. Levshin: a fairy-tale-historical model of narration]. Novosibirsk, *Nauka*, 2009. (In Russ.)
  10. Lappo-Danilevskii K.Yu. K istorii teksta poemy N.A. L'vova “Dobrynia” [About the history of the text of N.A. Lvov's poem “Dobrynia”]. *Litterarum fructus. Sb. statei v chesti S.I. Nikolaeva* [Collection of articles in honor of S.I. Nikolaev]. St. Petersburg, *Al'ians-Arkheo*, 2012, pp. 271–288. (In Russ.)
  11. Levshin V.A. *Russkie skazki, soderzhashchie drevneishie povedovaniia o slavnnykh bogatyriach...* [Russian fairy tales, containing ancient stories about glorious knights...]. Vol. 1–10. Moscow, *Printing house of Moscow University*, 1780–1783. (In Russ.)
  12. L'vov N.A. Dobrynia. Bogatyrskaiia pesn' [Dobrynia. Heroic Song. 1796]. *Drug Prosveshcheniia*. 1804, no 9, pp. 196–207. (In Russ.)
  13. L'vov N.A. Izbrannye sochineniia / predisl. D.S. Likhacheva; vstup. stat'ia, sostavlenie, podgot. teksta i komment. K.Yu. Lappo-Danilevskogo... [preface by D.S. Likhachev; edited by K. Yu. Lappo-Danilevskii]. Köln, Weimar, Wien, Böhlau; St. Petersburg, *RKHGI, Acropolis*, 1994. (In Russ.)
  14. Novichkova T.A. *Epos i mif* [Epic and Myth]. St. Petersburg, *Nauka*, 2001 (In Russ.)
  15. Poetry XVIII veka [Poets of the 18th Century]. Vol. 2 / preface by G.P. Makogonenko; biographies by I.Z. Sermana; edited by G.S. Tatishcheva. Leningrad, *Soviet Writer*, 1972. (Bibl. poeta. Bol'shiaia seriia. Vtoroe izdanie). (In Russ.)
  16. Sokolov A.N. *Ocherki po istorii russkoi poemy XVIII i pervoi poloviny XIX veka* [Essays on the history of Russian poems of the 18th and half of the 19th century]. Moscow, *Moscow University Press*, 1955. (In Russ.)
  17. Stroganov M.V. Ob avtorstve pervogo nekrologa N. A. L'vova [About the author of the first obituary N.A. L'vov]. *Genii vukusa: N.A. L'vov: Materialy i issledovaniia* [Ge-

- nius of taste: N.A. L'vov: Materials and studies]. Tver', *Tver' State University*, 2001. Sb. 2, pp. 114–116. (In Russ.)
18. Chulkov M.D. *Kratkii mifologicheskii leksikon* [Short mythological lexicon]. St. Petersburg, *Printing house of the Imperial Academy of Sciences*, 1767. (In Russ.)
19. Chulkov M.D. *Slavar' russkikh sueverii* [Dictionary of Russian superstitions]. St. Petersburg, *Shnor printing house*, 1782. (In Russ.)
20. Shtokmar M.P. *Issledovaniia v oblasti russkogo narodnogo stikhoslozheniia* [Research in the field of Russian folk versification]. Moscow, *Printing house of the Academy of Sciences*, 1952. (In Russ.)

Поступила в редакцию 04.07.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 17.11.2025

Received 04.07.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 17.11.2025

ОБ АВТОРЕ

Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский — доктор филологических наук, Dr. habil., ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук; yurij-danilevskij@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Konstantin Yu. Lappo-Danilevskii — DSc in Philology, Dr. Habil. in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences; yurij-danilevskij@yandex.ru